

АВТОБИОГРАФИЯ ШАТСКОГО НИКОЛАЯ СЕРГЕЕВИЧА¹

1. *Происхождение и семья.* Я родился в Москве 28 (16) августа 1895 г. Родители мои — отец, Шатский Сергей Николаевич, и мать, Шатская (Слободская) Антонина Николаевна, — были коренными жителями Москвы, из мещан так называемой Сыромятной слободы. Они были людьми среднего достатка: отец был служащий (бухгалтер, доверенный и др.) одного из московских машиностроительных заводов (в настоящее время завод «Красный факел»); по роду своей службы он часто выезжал на долгое время из Москвы, поэтому заботы о хозяйстве довольно большой семьи и воспитание детей целиком лежали на матери.

Моя мать не получила никакого образования, если не считать трех классов начальной школы, однако благодаря систематическому чтению и постоянному общению с близкими ей культурными людьми, она настолько пополнила свои знания, что помогала всегда детям в их учебных занятиях. Мать создавала в семье здоровую трудовую обстановку, и хотя в этом не было крайней необходимости, я и мои братья с 15-летнего возраста уже помогали семье, зарабатывая частными уроками и репетиторством. Этого заработка обычно хватало только на сравнительно высокие взносы за учебу и на книги.

В 1920 г. отец, после тяжелой болезни, оставил службу, и с этого времени мои родители жили на иждивении детей.

В настоящее время от нашей семьи в живых остался только я один. Отец умер в 1932 г., мать в 1938 г., старший брат, будучи в Красной Армии, был убит в бою с интервентами на Иртыше в 1919 г., младший брат погиб в Отечественную войну, при защите Волгограда в 1942 г., сестра, работавшая библиотекарем научно-исследовательского института виноградарства в Массандре, умерла от голода во время немецкой оккупации Крыма.

2. *Образование.* Первоначальное образование я получил в Московской 10-й гимназии, которую окончил в 1913 г. В этой школе, отличавшейся довольно строгим режимом, прекрасно было поставлено преподавание, в частности таких предметов, как естественная история (В. И. Грацианов), физика и космография (Н. Ф. Нечаев), история и философские предметы (В. А. Фохт). В 1913 г. я поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета.

Московский университет в то время переживал тяжелый кризис, так как после событий 1911 г.² в нем остались лишь немногие из той блестящей группы профессоров-ученых, которыми университет славился в первом десятилетии нынешнего века.

¹ Рукопись не датирована. Судя по содержанию, она написана Н. С. Шатским в 1945—1946 гг.— *Ред.*

² В этом году царский министр просвещения Кассо, придерживавшийся крайне реакционных взглядов в области высшего и среднего образования, исключил из Московского университета несколько тысяч студентов и уволил около одной трети преподавателей. В знак протеста университет покинули многие прогрессивные ученые — К. А. Тимирязев, П. Н. Лебедев, С. А. Чаплыгин и другие.— *Ред.*

Лекции физика — проф. Б. В. Станкевича не давали почти ничего нового в сравнении с блестящими гимназическими уроками и опытами Н. Ф. Нечаева; всяма убоги были лекции по минералогии и кристаллографии проф. С. Ф. Глинки; немногим лучше было преподавание других дисциплин. На этом фоне полного научного оскудения, сдабриваемого псевдоученостью, выделялись блестящие лекции, занятия и геологические экскурсии, которые проводил А. П. Павлов с группой своих учеников, химическая лаборатория Н. Д. Зелинского и знаменитые лекции по сравнительной анатомии А. Н. Северцова. Поэтому естественно, что уже в 1915 г. я целиком ушел в изучение геологии и химии, несомненно, в ущерб другим университетским дисциплинам. Почва к этому была подготовлена раньше. Уже в 1911 г. под влиянием одного близкого знакомого нашей семьи естествовика А. А. Егорова, я пристрастился к коллекционированию остатков среднекаменноугольной и верхнеюрской фауны в окрестностях Москвы. На третьем курсе университета (1916 г.), по советам С. А. Доброва и Е. В. Милановского, для практики по полевым геологическим исследованиям я поступил в качестве техника-гидрогеолога в I Поволжскую изыскательскую партию Отдела земельных улучшений; я должен был с мая по сентябрь производить гидрогеологическую съемку в Поволжье, в Камышинском уезде Царицынской губ.

Эти гидрогеологические работы возглавлялись Б. А. Можаровским (тогда ассистентом А. П. Павлова, а позднее профессором Саратовского университета). Я должен был работать под руководством Д. Н. Эдинга (также ассистента А. П. Павлова, позднее — известного археолога).

Мой руководитель в первый день работ взял меня с собой и в течение целого дня водил по какой-то широкой, разложистой балке, сплошь задернованной и местами заросшей мелким дубняком. Только вечером, когда уже стемнело, у устья этой балки, в русловом подмыве, Д. Н. Эдинг заметил обнажение каких-то песков и прочел пятиминутную лекцию о том, что такое обнажения и как их надо описывать, причем было уже так темно, что я на слово должен был поверить, что «пески эти глауконитовые», и совсем было неясно, почему они сеноманские. На следующее утро я с ужасом узнал, что Д. Н. Эдинг после обхода знаменитой балки счел свои обязательства по отношению ко мне оконченными; я был признан годным для самостоятельной работы, мне были выданы инструменты, записные книжки, выделена запряженная клячей телега со старичком-возницей, и я был направлен для самостоятельных гидрогеологических исследований в бассейн р. Балыклей, километров за 30 от резиденции моего руководителя.

Этим закончилась вся полевая подготовка, причем надо отметить, что в то время в университете не было курса полевой геологии, на котором студенты хотя бы теоретически знакомились с методами геологического картирования.

Оставшись один, я целиком ушел в работу, тщательно описывал каждую промоину и, по-видимому, настолько освоился, что уже к середине лета имел полное и ясное представление о геологическом строении порученного мне района и даже внес ряд существенных новых данных в геологию этой части Поволжья. Я нашел новые дислокации и богатую ископаемую фауну среднего и верхнего альба с некоторыми новыми видами. Предварительный список этой фауны был вскоре опубликован А. Н. Мазаровичем в статье «О гольте Южного Поволжья» («Бюлл. Моск. об-ва испыт. природы», 1917 г.).

Исследования в Поволжье, сделавшие меня геологом, были прерваны в августе 1916 г. вследствие призыва на военную службу, на которой я состоял по апрель 1918 г. Летом 1918 г. я вновь вступил в I Поволжскую партию Отдела земельных улучшений (в Москве) и занимался обработкой своих полевых материалов 1916 г., благодаря чему приобрел некоторые навыки в камеральной геологической работе и тем самым несколько усовер-

шенствовал свою геологическую подготовку; в частности, в это время мной была составлена первая для Русской платформы и одна из первых для СССР вообще структурная карта в стратоизогиписах. Этим, по существу, и закончилось мое геологическое образование, так как в конце 1918 г. я получил предложение занять должность ассистента при кафедре геологии (А. П. Павлов) на геологоразведочном факультете вновь организованной Московской Горной академии.

Во время пребывания в Горной академии мне пришлось, для преподавания, весьма подробно проштудировать ряд геологических предметов, а для вновь организованного Геологического музея определить и обработать огромное количество палеонтологических и петрографических коллекций и пересмотреть интереснейшие коллекции известного любителя-геолога XIX в. Н. П. Вишнякова.

По настоянию А. Д. Архангельского, попутно с преподаванием я экстерном закончил курс геологоразведочного факультета Московской Горной академии и в 1929 г. получил звание горного инженера. После введения в СССР научных званий и степеней я в 1934 г. получил в Академии наук СССР, без защиты диссертации, степень кандидата геолого-минералогических наук, так как к этому времени я имел ряд научных работ, вполне удовлетворяющих данной степени; в 1940 г. мне была присуждена степень доктора, также без защиты диссертации.

В члены-корреспонденты АН СССР я был избран в сентябре 1943 г.¹

3. *Военная служба.* В августе 1916 г., как не сдавшего в университете академического минимума (не была сдана «Систематика высших растений»), меня призвали на военную службу. Как известно, в это время поредевшие ряды офицерского состава царской армии, понесшей огромные потери в боях 1915 и начала 1916 г., усиленно пополнялись студентами высших учебных заведений, для чего были организованы даже специальные «студенческие» школы прапорщиков. После кратковременного пребывания в первом студенческом подготовительном батальоне в Нижнем-Новгороде я был направлен в такую «студенческую» 4-ю Киевскую школу прапорщиков.

Подготовка пехотных прапорщиков длилась 4 месяца, и в феврале 1917 г., после окончания школы, я был направлен в 55-й пехотный запасный полк, стоявший в Москве. Некоторое время я работал в г. Александровске (теперь Запорожье), куда был командирован из части в качестве помощника артиллерийского приемщика. В конце октября 1917 г. вместе с маршевой ротой (ополченцы 2-го разряда) я должен был отправиться на фронт для пополнения 1-й Гренадерской дивизии, но Октябрьская революция резко изменила дальнейший ход событий. Солдаты моей роты, согласно новым положениям о возрастном пределе строевой службы, были распущены по домам, я остался в Москве, хотя и числился в составе 55-го пехотного запасного полка, но фактически службы почти не нес и вновь начал прерванные учебные занятия.

В апреле 1918 г. я официально, по приказу, был уволен в запас.

Летом 1919 г., во время денкинского наступления, я был призван в ряды Красной Армии и направлен в военно-строительную часть штаба Южного фронта, где прослужил до начала 1920 г. в должности «войскового геолога»; военно-геологическое обслуживание фронта заключалось лишь в весьма редких заданиях и основная работа в штабе фронта состояла в проектировании строительных работ для нужд штаба.

После трехмесячного отпуска (в течение которого работал в Горной академии), в мае 1920 г., как имевший военную подготовку бывший офицер царской армии, я был направлен на западный фронт и получил назначение

¹ В действительные члены АН СССР Н. С. Шатский был избран 23 октября 1953 г. — Ред.

в Особую Мозырскую группу, в 169-ю отдельную саперную роту 57-й дивизии, на должность командира мостового саперного взвода. В этой должности участвовал в бою у дер. Черной (боевое охранение) и в боях при длительном форсировании Днепра между Речицей и устьем Березины. Первые две попытки форсирования окончились неудачей, бригада не смогла захватить плацдарм на западном берегу реки. Рота понесла некоторые потери, в частности выбыл из строя командир роты, старый саперный офицер, и я был назначен командиром роты и бригадным инженером. Следующий этап форсирования Днепра к югу от дер. Черной бригадой был хорошо организован. Удалось, кроме подручных средств, скрытно от воздушной разведки противника в течение трех дней подготовить в лесу специальные паромы. Первым же броском стрелковые полки, поддержанные быстро переправленной артиллерией, закрепились на довольно широком плацдарме правого берега реки.

Длительное форсирование такой крупной реки, как Днепр, дало мне хорошие уроки и значительный опыт. Поэтому при дальнейшем наступлении Мозырской группы, форсирование меньших рек — Птичь, Случь, Буг (около Брест-Литовска) не представляло особых трудностей и требовало лишь тщательной разведки. Наступление между Днепром и Бугом доставило мне и большой опыт по расчету и возведению временных мостов в ходе боя. В начале августа Красная Армия вышла на Вислу и Нарев. 57-я дивизия занимала участок непосредственно к северу от крепости Демблин (Ивангород).

Моя рота должна была вместе с 57-м инженерным батальоном готовить переправы для форсирования Вислы около дер. Красное Бурне, где река распадалась на несколько протоков с рядом крупных островов между ними. Подготовку переправы сильно затрудняли неприятельские мониторы; поэтому для прикрытия работ дивизией были выделены две батареи. После боев на Буге Мозырская группа, в частности 169-я бригада, не были укомплектованы. Знаменитое «чудо на Висле», т. е. первоначальный прорыв армии Пилсудского в тыл Мозырской группы, совершилось почти без боя. Некоторые участки фронта были оголены, и неприятельские части встречали лишь тыловые обозы.

16 августа 1920 г. были внезапно взяты прикрывавшие нас батареи, и я получил приказ двигаться на север, вдоль Вислы, вслед за 48-м инженерным батальоном. Дня через два значительная группа войск, в которую входила 169-я бригада, была окружена на реке Свидер, между г. Карчев и г. Окунев (к востоку от Праги), и в результате многочисленных атак познанских полков из этого окружения удалось выйти лишь немногим нашим разрозненным частям; дальнейшее отступление шло через Вегров, Логицин, Беловежскую пущу, Белосток на Гродно. В Гродно я получил новое назначение — в 48-й инженерный батальон, и мне было поручено подготовить к обороне 6-й форт (южный) Гродненской крепости. Бетонные сооружения форта, взорванные в империалистическую войну 1914—1918 гг., находились в непригодном для обороны состоянии, поэтому пришлось ограничиться возведением новых полевых укреплений. Оборона крепости продолжалась около месяца. В результате прорыва фронта у Друскеник на участке, оборонявшемся литовской армией, начался новый, планомерный отход наших частей вплоть до Слуцка.

После заключения перемирия с Польшей я продолжал служить в должности инструктора для поручений при 48-м дивизионе, участвовал в походе по ликвидации в Мозырском районе банд Булак-Булаховича, совершавших после заключения мира крупными силами (до трех дивизий) налеты на нашу территорию, грабивших и вырезавших население местечек северо-восточного Полесья. В начале 1921 г. по ходатайству Московской Горной академии я был уволен в долгосрочный отпуск и приступил к систематической научно-исследовательской работе и преподаванию.

После гражданской войны мне пришлось быть в армии еще два раза. Первый раз, в 1938 г., я пробыл три месяца в Военно-инженерной академии им. Куйбышева на специальной переподготовке, прекрасно организованной и ознакомившей и теоретически и практически с новейшими достижениями по инженерному обеспечению современного боя. Второй раз, тоже около трех месяцев, по мобилизации в сентябре 1939 г. я проделал весь поход по освобождению Западной Украины в должности командира саперного батальона 29-го дорожно-эксплуатационного полка. В этот период в моем ведении были ремонтные и восстановительные работы на автомагистрали Подволочиск — Злочев, около Львова.

Таким образом, если не считать небольших перерывов, то на военную службу ушло около четырех лет моей жизни.

4. *Преподавательская работа.* С декабря 1918 г. я преподавал на геологоразведочном факультете Московской Горной академии. В первые годы (1918—1922) я был ассистентом при кафедре общей геологии; в мои обязанности входило присутствие на лекциях по общей геологии проф. А. П. Павлова для демонстрации диапозитивов и ведение практикума по этому курсу, заключавшегося в макроскопическом определении горных пород, породообразующих минералов, чтении геологических карт и составлении геологических профилей. В 1923—1924 гг. я вел занятия по палеогеографии и палеофаунистике при курсе исторической геологии, который читал проф. Г. Ф. Мирчинк.

В 1924 г. я начал преподавательскую деятельность в Московской Горной Академии, помогая А. Д. Архангельскому при чтении курса «Геология СССР», который, как известно, он ввел (1920 г.) в преподавание наших вузов.

По предложению А. Д. Архангельского, я перешел на его кафедру и с этого времени посвятил себя почти целиком работе над этим очень сложным и в то же время еще совершенно не разработанным курсом.

Вначале А. Д. Архангельский поручал мне чтение отдельных лекций, например, о Донецком бассейне, по геологии Казахстана и других. Кроме того, я вел практикум по этому курсу (изучение типичных разрезов, палеогеография, главнейшие руководящие ископаемые). Годы через два три А. Д. Архангельский разделил курс на две части; первую, «Геология Европейской части Союза и Средней Азии», он вел сам, а вторую часть — «Геология Сибири» — поручил мне, как доценту кафедры. В таком виде эти лекции продолжались до 1932 г. и в Московском Геологоразведочном институте, который был сформирован в основном из геологоразведочного факультета Московской Горной академии.

В 1929 г. я начал чтение лекций по геотектонике и структурной геологии. Эти лекции читались мной в Геологоразведочном институте и в Московском университете не каждый год, в последний раз в 1940—1941 гг., и являлись основной темой моей преподавательской работы.

Читались мной и другие факультативные курсы, например «Геотектоника Западной Европы».

С 1933 г. в должности профессора Московского Геологоразведочного института я читал полный курс геологии СССР. Мной было предложено новое деление курса, основанное на естественном геотектоническом районировании территории СССР. Такая программа этого курса была принята Комитетом по высшей школе как типовая для вузов.

Другой стороной моей преподавательской деятельности являлось и является руководство дипломными работами студентов последнего курса. За все время через мои руки прошло более 100 дипломов, посвященных самым разнообразным районам нашей страны и самым различным разделам геологии, преимущественно, однако, региональной геологии. Руководство дипломными проектами необходимо не только студентам; оно приносит пользу и преподавателям, так как таким образом, во-первых, устанавливается тесная связь с будущими исследователями и, во-вторых,

преподаватель сам знакомится с геологическим строением новых для него территорий и с новыми вопросами общей и региональной геологии и расширяет свой научный кругозор.

Наконец, в 1924—1929 гг. я состоял в Московской Горной академии хранителем Геологического музея. За это время мне удалось собрать хорошую коллекцию образцов по региональной геологии Европейской части СССР. Это собрание легло в основу отдела геологии СССР в Геологическом музее имени А. П. Павлова при Московском Геологоразведочном институте.

Мне неоднократно приходилось убеждаться, что преподавательская работа в высшем учебном заведении оказывала на меня как на исследователя огромное влияние: она помогла ставить и разрешать ряд важных геологических вопросов, о чем я подробно расскажу ниже. Однако в последние годы, после 25-летнего преподавания, я стал несколько тяготиться педагогической работой; огромная затрата времени на чтение лекций, на руководство дипломным проектированием, на руководство кафедрой исторической геологии начала вредно отражаться на моей исследовательской работе.

Пожалуй, было бы лучше для меня и для слушателей, если бы я отказался от лекций по такой большой общеобразовательной дисциплине, как «Геология СССР», и перешел на чтение небольших факультативных и аспирантских курсов по особенно важным и особенно меня интересующим разделам и главам геологии.

5. *Научно-исследовательская деятельность.* Мои первые студенческие исследования в Поволжье, сделанные, как я уже говорил, в 1916 г., по существу, должны считаться началом моей научной работы. Однако результаты их, ввиду длительного пребывания на военной службе, я описал только в конце 1921 г. и в начале 1922 г.; в этот год вышла из печати моя первая работа «Балыклейский грабен и дизъюнктивные дислокации Нижнего Поволжья». У меня сохранилось, однако, несколько рукописей более раннего времени, большинство которых осталось неопубликованными. Это следующие заметки и статьи: «О горизонтальном оползании», написанная на фронте в декабре 1919 г., «Тектоника правого берега р. Волги в районе р. Балыклей», представляющая собой резюме первого моего научного доклада, сделанного 3 февраля 1919 г. в Московском отделении Геологического комитета; большая статья — «Заметка о месторождении каменного угля в окрестностях г. Боровичей Новгородской губернии»; «О разведочных работах в Каменском каменноугольном месторождении»; «О геологических исследованиях в Калужской губернии». Если исключить статью об оползнях, совершенно случайную, и последнюю статью, то остальные посвящены описанию структур и, что особенно любопытно, во всех этих первых опытах рассматривается вопрос либо о связи мощности и состава пород с древним эрозионным рельефом их ложа (в статьях о каменноугольных месторождениях), либо о зависимости их от постепенно растущих дислокационных форм. Последние две статьи были написаны в Главном угольном комитете, где я работал техником у М. М. Пригоровского, выполняя целый ряд мелких поручений и чертежные работы моего патрона и Ю. А. Жемчужникова.

Идея о зависимости мощностей и фаций от тектонического и эрозионного рельефа настолько захватила меня, что я, изучая классическую работу Файоля и вычерчивая для М. М. Пригоровского профили по Челябинскому бассейну, решил заняться экспериментами по этому вопросу. Я сделал из гипса ряд моделей складок, различных рельефов и, помещая их в воду, в огромный ушат, изучал, как распределяются на моих моделях различные фракции песков и глин. По-видимому, я не пришел к каким-либо запомнившимся мне выводам, но с тех пор у меня навсегда осталось настороженное отношение к так называемым экспериментам в геологии и геотектонике.

Заметка по геологии Лихвинского уезда Калужской губ. появилась в

результате геологической съемки в этом районе, которую я провел в течение месяца, в перерыве военной службы, в качестве коллектора у М. С. Швецова.

После ухода с военной службы в долгосрочный отпуск, в поисках интересных исследований, весной 1922 г. я обратился к А. Д. Архангельскому. Этот мой поступок вызвал шум и переполох среди московских геологов, не хотевших работать у А. Д. Архангельского вследствие некоторых свойств его характера и методов организации им коллективных больших исследований. А. Д. Архангельский, ознакомившись с моими работами, о которых я говорил выше, принял меня на работу в Геологический отдел только что организованной Комиссии по изучению Курской магнитной аномалии и предложил мне заняться изучением верхнемеловых отложений северной окраины Донецкого бассейна.

Исследования в Поволжье, в Калужской губ. и в Боровичах несомненно дали достаточный опыт полевой работы; поэтому изучение в поле окраин Донбасса в 1922 и 1923 гг. проходило довольно гладко и доставляло полное удовлетворение. Результаты этих исследований были опубликованы в нескольких работах, а небольшая монография «Стратиграфия и тектоника верхнемеловых и нижнетретичных отложений северной окраины Донецкого бассейна», опубликованная в 1924 г., представляла неплохое и вполне оригинальное исследование. Она вскоре стала цитироваться в западноевропейской печати, там же появились подробные ее рефераты, я получил ряд лестных отзывов о ней от Ю. А. Жемчужникова, Б. А. Лихарева, Б. В. Мефферта и М. М. Тетяева. Но самым лестным и приятным для меня было вращение моего патрона А. Д. Архангельского, который весной 1923 г., редактируя эту мою работу, неоднократно упрекал меня в предвосхищении некоторых его идей и выводов и даже высказывал некоторое сожаление о том, что ему пришла в голову мысль отправить меня в Донбасс. Как видно из современной литературы (см., например, «Геология СССР, т. V, Донецкий бассейн»), эта моя работа не потеряла до сих пор своего значения, как основная работа по стратиграфии верхнего мела Донецкого бассейна.

Иная судьба другой моей работы о тектонике Донецкого бассейна, написанной в то же время, в которой я попытался установить соотношения между исследованными мною в поле верхнемезозойскими дислокациями и всеми предшествующими им деформациями мощных толщ Донецкого бассейна. После изучения распределения мощностей различных толщ карбона по площади Донбасса мной впервые были выведены известные сейчас закономерности изменчивости палеозойских отложений бассейна, но, кроме того, были сделаны выводы о длительности формирования основных складок бассейна. Исследование это было опубликовано в 1924 г. и сделано независимо от работ Р. Бертлинга, Г. Беттхера и др. (1925—1930 гг.).

Несмотря на то, что в небольшой работе 1924 г. описывались и устанавливались весьма новые факты и делались новые выводы, работа эта не получала долгое время отклика, если не считать ряда высказываний А. Д. Архангельского, хотя она очень многих заинтересовала. В частности, проф. Я. В. Самойлов часто указывал на нее своим сотрудникам. Это объясняется, возможно, тем, что в 1924 г. я, согласно господствующим взглядам, приписывал образование широких складок Донбасса в верхнем палеозое эпейрогеническим движениям. В 1937 г. я вновь вернулся к этому вопросу, уточнил выводы 1924 г. как в смысле возраста движений, так и механизма образования складок. В последующие годы, т. е. через 12 лет после опубликования, мои выводы стали подвергаться критическому разбору, причем большинство авторов (А. З. Широков, В. З. Ершов, П. И. Степанов), принимая все мои выводы о закономерностях распределения мощностей донецкого палеозоя, возражали против главного вывода — о длительности формирования складок. Только перед войной 1941 г. появились работы (А. А. Якжин), подтверждающие и этот главный вывод. Я, может быть, слишком под-

робно остановился как на этой работе, так и вообще на первых своих исследованиях только потому, чтобы показать, что основное направление моих исследований — стратиграфия и тектоника — и метод работ в последней области (установление корреляции тектонических форм с фациями и типами формаций) появились у меня уже в первые годы исследования. Интересно также отметить, что выводы о длительности складкообразования были сделаны независимо и несколько раньше классических работ в этой области немецких геологов.

В 1924 г., после окончания работ в Комиссии по Курской магнитной аномалии, исследования были перенесены на Кавказ, где с 1924 по 1936 г. я производил полевые съемочные работы по заданиям нефтяной секции Геологического комитета, Государственного исследовательского нефтяного института ВСНХ и Нефтяного геологоразведочного института. Я работал как на Северном Кавказе (Дагестан, Грозненский район), так и в Закавказье (Кабристанские пастбища, Шемахинский район). Кроме обычных отчетов и геологических карт, оставшихся неопубликованными ввиду крупности масштаба, и монографии о геологии Черных гор, научными результатами этих исследований являлись: 1) разработка стратиграфии палеогена Восточного Кавказа (установление горизонтов майкопской свиты, хадумского яруса и др.), 2) разработка стратиграфии миоцена юго-восточного Кавказа, 3) описание нового типа дислокаций Северного Кавказа, 4) установление новых данных о грязевых вулканах и др. Указанные стратиграфические схемы, разработанные мной, в настоящее время являются общепризнанными. Этого нельзя сказать относительно структурных выводов, которые, несомненно, нуждаются в дальнейшем изучении, но, как мне кажется, только в направлении, указанном в цитированных работах.

Преподавательская работа наложила определенный отпечаток и на исследовательские работы этого времени (1931—1935). Изучение огромного материала, необходимого для лекций по курсу «Геология СССР», поставило передо мной ряд вопросов, разрешение которых нужно было прежде всего для ясности изложения этого курса студентам. Таким образом родились «Тектоника Сибирской платформы» и «Схема тектоники СССР», написанная совместно с А. Д. Архангельским, где мной была описана Азиатская часть, кроме Средней Азии. Как видно из современной литературы, как нашей, так и зарубежной, эти работы сыграли крупную роль для выяснения тектоники СССР и для решения более общих вопросов тектоники. Наиболее, пожалуй, интересной работой этого периода я считаю маленькую статью «К вопросу о происхождении роменских гипсов и пород Исачковского холма на Украине» (1931 г.), в которой при помощи сравнительно-тектонического анализа удалось сделать правильные выводы о тектонике Украинской мульды, о наличии там соляных куполов, и тем самым указать на возможность нахождения нефти и соли на севере Украины. Как известно, этот прогноз в 1935 г. был подтвержден бурением и, таким образом, эта маленькая статья, по-новому поставившая вопрос о происхождении исачковских диабазов, была отчасти и началом крупных теоретических и практических работ украинских геологов в последние десять лет¹.

¹ На этом кончается рукопись; научно-исследовательская деятельность Н. С. Шатского с 1935 г. по момент написания автобиографии в ней не освещена. — Ред.